

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРАВОВОГО МИФА

Юлия ТИЩЕНКО,

старший преподаватель кафедры теории государства и права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

Legal myths are essential elements of legal reality, acting as special phenomena. Their mission is to serve as a means of legitimizing the legal institutions and processes by connecting the rational and irrational perception of law and state. The questions of substantive content of legal myths, in particular, their relationship with the legal values and legal antivalues have been highlighted. The specificity of the influence of mass psychology on the formation of legal myths has been emphasized.

Key words: legal myths, legal values, phenomenology of law, legitimizing of law.

Аннотация

Правовые мифы – неотъемлемые элементы правовой реальности, выступающие в качестве особых феноменов. Их предназначение – служить средством легитимации правовых явлений, институтов и процессов посредством соединения рационального и чувственного в восприятии права и государства. Рассматриваются вопросы содержательного наполнения правовых мифов, в частности, их взаимосвязи с правовыми ценностями и правовыми антиценностями. Показана специфика влияния психологии масс на формирование правовых мифов.

Ключевые слова: правовые мифы, правовые ценности, феноменология права, легитимация права.

Постановка проблемы. В современной философии права рассмотрение вопросов существования правовой реальности раскрывается в русле целой системы методологических подходов, концепций и идей. Все большее значение приобретает герменевтика и феноменология, особенно на фоне стремительного развития коммуникативной теории права. При этом часто за пределами внимания ученых остаются проблемы нерациональных аспектов бытия права. Аксиома рациональности, разделяемая большинством современных юристов и философов права, состоящая в рассмотрении права как структуры, подлежащей исследованию с позиций разума, не позволяет раскрыть многие пласты правовой реальности, одним из которых является правовой миф. Действительно, актуальность исследования правовой мифологии подтверждается тем, что до сих пор остаются открытыми многие вопросы легитимации права, формирования национальных правовых традиций, обозначении черт правового менталитета определенной социальной группы, этноса или нации. Постановка вопроса о правовой мифологии предполагает, что право существует как на рациональном, так и на чувственном уровне, и это приводит к необходимости рассмотрения правовых мифов в ключе феноменологической методологии.

Целью статьи является рассмотрение основных аспектов феноменологии правового мифа.

Уровень изученности проблемы. Для современной философии права и

юриспруденции в целом проблема правового мифа не является новой, но ей посвящено крайне незначительное число специальных исследований. В различных контекстах обращались к вопросам мифологии в праве такие исследователи, как В. Бачинин, С. Максимов, В. Малахов, Ю. Оборотов, А. Поляков, Н. Рулан и др.

Изложение основного материала.

Одним из свойств современного философско-правового дискурса является его плюралистичность, на чем не раз акцентировали внимание представители как отечественной, так и зарубежной юриспруденции. Связь различных исследовательских направлений, часто междисциплинарного характера, определяет общую тенденцию философии права к выработке методологического инструментария, позволяющего ответить на важнейшие вопросы правового бытия, учитывая при этом специфику современного развития права и государства. В связи с этим все более актуальной становится феноменология как масштабная научно-исследовательская программа, направленная на постижение смыслов, лежащих в основании права как сложной интерпретируемой системы.

Определяющей характеристикой большинства смыслов, лежащих в основании права, по нашему мнению, следует считать их отнесение к миру феноменов. Именно такой подход позволяет снять противоречия между трансцендентальным и антропологическим их пониманием, ведь феномен сочетает в себе три аспекта бытия: бы-

тие человека, бытие вещей и бытие социума. В этом аспекте феноменология права выступает как исследовательская программа, направленная на развитие идеи права с самых глубинных пластов правосознания, и заканчивая ее отражением в законодательстве.

По Э. Гуссерлю, феномены – это сущности, которые лежат в основе реальности. Они могут быть как материальными, так и идеальными. В отличие от применения понятия феномена в немецкой классической философии, где феномен рассматривался исключительно как явление, выражающее сущность, – ноумен, феноменология объединяет эти два понятия, поскольку, по мнению основателя феноменологии, невозможно развести процессы восприятия и мышления. Таким образом, феномен – это и явление, и его сущность одновременно [1, с. 154-155].

Исследуя феноменологический метод Э. Гуссерля в контексте онтологических проблем, И.В. Шамша приходит к выводу, что отличительной чертой феноменов является то, что они не просто выступают частями реальности, но одновременно и способом ее познания. Феномен, таким образом, познается не только рационально, но и чувственно, в нем синтезируются сфера логического, разумного и внелогического, иррационального, интенционального [2, с. 126]. По мнению М.К. Мамардашвили, бытие феномена подразумевает его ценностный параметр. Он пишет, что феномен – это нечто, имеющее онтологическое существование как значимость, в отличие от явления, для ко-

того значимость не имеет никакого смысла [3, с. 42]. Действительно, этот аспект очень важен для современного феноменологического восприятия права. В частности, для С.И. Максимова правовая реальность предстает как сфера означаемого должного, интегрирующая ценностные и антропологические параметры социума [4, с. 11-12].

Спецификой применения феноменологического подхода в юриспруденции является то, что проблема исключительно понятийного определения права является неразрешимой, поскольку она либо ведет к бесконечности, либо приводит к некоторой последней сущности, которую можно только принять и описать, то есть являющейся аксиоматической по своей природе. Такие сущности, с точки зрения феноменологического подхода, являющиеся правовыми ценностями – первоосновы онтологии права [5, с. 86].

Между тем, по нашему мнению, сами по себе правовые ценности не являются факторами легитимации действующего правового порядка. В любом обществе они должны получать соответствующую институционализацию, которая в той или иной степени предполагает их мифологизацию. Таким образом, правовые ценности получают свое смысловое выражение в мифологических структурах, называемых правовыми мифами.

Обычно миф воспринимается как такая форма общественного сознания, способ понимания природной и социальной реальности, которая характерна для первобытного общества [6, с. 581]. К признакам мифа традиционно относят его синкретичность: то, что в философском мировоззрении воспринимается как анализ, в мифологическом мировоззрении предстает как духовная разбедненность вещей; то, что для философского мировоззрения предстает как объект, для мифологического мировоззрения является субъектом. Именно поэтому с позиций Т.А. Апиняна, миф – это не только представление, «субъективное видение мира». Миф – это само бытие для тех, кто его исповедует, и поэтому мифотворчество является функцией коллективного, а не индивидуального сознания [7]. Не случайно миф рассматривается как коллективное переживание. Именно поэтому вряд целесообразным является рассмотрение

мифа как явления, свойственного исключительно первобытному обществу. Мифы сопровождают развитие общества и в наше время, поскольку люди и в первобытном обществе и в современном ищут как рациональные, так и нерациональные средства объяснения социальной, а следовательно и правовой, реальности. Каждая эпоха имеет свои характерные мифы и мифологемы – устойчивые универсалии, которые путешествуют от общества к обществу, из одного времени в другое. Эти мифологемы концентрируют коллективные представления людей о должном, содержат соответствующие стереотипы, способные влиять на идеологию, мышление и поведение людей той или иной социальной группы или общества в целом.

Определение правового мифа с точки зрения его феноменологической природы требует рассмотрения проблемы его структуры. И именно в этом ключе приобретает особое значение феноменология, поскольку она позволяет апеллировать и к рациональной, и к чувственной сферам человеческого сознания. Синкретизм правового мифа как раз и является неразъединенностью этих двух начал правосознания. Так, следует согласиться с А.Б. Чефрановым, который утверждает, что феноменологическая природа права раскрывается в том, что основные правовые идеи являются одновременно первоосновой права и его целью [8, с. 330]. Здесь важно подчеркнуть, что рациональное видение основных правовых идей, выраженное в виде их теоретического осмысления, неизбежно дополняется нерациональным их восприятием, сопряженным с «ощущением» правовой материи, ощущением причастности, осознания. Правовые мифы, таким образом, действуют одновременно на уровне правовой идеологии, получая свое выражение в системе правовых концепций и понятий, и на уровне правовой психологии, действуя на уровне подсознательного (индивидуального и коллективного).

Думается, что именно нерациональная сторона правового мифа является его основанием. Эта гипотеза подтверждается тем, что социально-политическая и правовая мифология является средством конструирования доминирующими

агентами некоторой особой целостности. Эта целостность должна создаваться не как рациональная идея, а как образ реального, конструированного как желаемое, что требует единогласия в социальной оценке правовых и политических феноменов. Основная цель мифов (как политических, так и правовых) – генерирование непротиворечивой совокупности взглядов и мнений по поводу мифологизированного явления [9, с. 88].

Правовой миф направлен на создание совершенной правовой действительности и, реализуясь благодаря своей жизненной силе, энергии, лежащей за пределами человеческого подсознания, способен вносить упорядоченность, стабильность в правовую реальность. Он может выступать в роли опоры, нерушимой основы общественного спокойствия и порядка, уверенности граждан в своей защищенности, поскольку содержит в себе ориентиры человеческого поведения, осмысления себя и своих поступков в контексте бытия. Он способен объяснить человеку его место в мире, эффективно привязать ее к какой-либо значимой для него социальной общности.

Такое видение правового мифа позволяет утверждать, что в его основе всегда находится некий ценностный ориентир, осознаваемый на уровне правовой психологии. Здесь интересен подход, в соответствии с которым правовые ценности рассматриваются как предельные основания правового бытия, рамки правового пространства, в котором сосредоточиваются все правовые практики и происходит аксиологизация правовых структур через их оправдание, пусть даже не всегда разумное и логическое [5, с. 87]. Исходя из понимания структуры правового поля П. Бурдые [10], можно констатировать, что правовые ценности выступают ключевыми детерминантами символического порядка: субъект, попадая в правовое поле, сталкивается с символическими актами справедливости, закона и правосудия, которые выступают особыми квинтэссенциями этого поля [11, с. 109].

Правовые ценности иначе называют эйдетическими, понимая под ними ценности самого права, непосредственно с ним связанные и не зависящие от конкретно-исторического воплощения, социокультурных условий и целей зако-

нодателя. Прилагательное «эйдетический» при этом отмечает, что совокупность всех правовых ценностей образует идею права. С эйдетическим характером правовых ценностей связана интересная и остро обсуждаемая сегодня проблема универсальности правовых ценностей. Фактически эта дискуссия является частным случаем полемики вокруг существования так называемых общечеловеческих ценностей.

Не вдаваясь в полемику по поводу существования универсальных общечеловеческих правовых ценностей (поскольку данная политико-правовая формула тоже может быть рассмотрена как миф), следует отметить, что структура правового мифа не ограничивается аксиологическими элементами. Не менее важной является антропологическая составляющая правовой мифологии, заключающаяся в себе весь спектр проблем социального восприятия права и его легитимации. В частности, этот вопрос рассматривается в диссертационном исследовании В.Е. Понаморенко, где автор показывает, что психология масс и психология народов являются важнейшими направлениями в социальной психологии, характеризующиеся особым вниманием к бессознательным факторам массообразования, к иррациональным проявлениям массовой психологии на политическом, социальном, культурном уровнях. При этом, по мнению автора, когда юридическая наука, в том числе теория государства и права, призвала, что не может не учитывать иррациональный компонент, если намерена развиваться в русле складывающейся общенаучной парадигмы, она должна юридизировать положения этих исследовательских направлений, так как они могут принести существенную пользу при анализе социально-психологических оснований государственно-правовых явлений, а последние всегда неразрывно связаны с социальной средой своего существования [12, с. 3].

При таком подходе правовые мифы также несут в себе отпечаток психоментальных особенностей определенного коллектива людей, а потому их следует рассматривать как выражение глубинно-психологических характеристик этнической общности людей, нации, народа в целом. Проблема социально-психологического исследования правовых мифов имеет и другой немаловажный

аспект. Нуждаясь в легитимации своей политики, в обретении социальной поддержки своей активности, демократическое государство заинтересовано в создании благоприятных социально-психологических условий, для чего оно нередко прибегает к набору методов, ведущим к достижению цели через создание разнообразных мифологизированных структур.

Между тем, следует подчеркнуть, что в основании правового мифа может лежать как ценность, так и антиценность, поскольку оба эти феномена могут выступать легитимирующими структурами. Ценностные ориентации формируются в процессе взаимодействия с теми или иными сторонами действительности, с системой знаний, информации, правовыми нормами: они направлены на выработку поведения; в то же время ценностные установки – это более устойчивая и относительно узкая часть ценностных ориентаций, которая определяет направление субъекта на конкретные ценности в той или иной ситуации. Однако такими же ориентирами могут служить и антиценности, как указание на нежелательное, бесполезное, ненужное. Здесь, в частности, можно привести пример с мифологизацией нетрадиционных сексуальных отношений в законодательном дискурсе постсоветского пространства.

Правовые мифы, таким образом, являются неотъемлемыми элементами любого социокультурного пространства. По мнению В.А. Бачинина, немало мифологем живут в правосознании вполне самостоятельной жизнью. Он объясняет это тем, что правосознание не всегда должно быть рефлексивным, и часто оно теряет способность к самопознанию, погружается в мир образов и архетипов, которые направляют поведение человека в мире права [13, с. 100-102]. Это, например, апелляция к абсолютному авторитету. Для правосознания современного человека это может быть закон или суд как символы окончательности в любом юридическом споре, образы предельной справедливости. С другой стороны, правовым мифом выступает апелляция к чуду – вера в силу права и государства как всемогущих институтов, способных создать порядок и справедливость самим фактом своего существования. Отсюда – идея патернализма, стремление почувство-

вать защищенность, соединенная с верой в то, что государство обязано создать все условия для индивидуального благополучия. Наконец, это апелляция к тайне юридического процесса как особого ритуала, мифологизация образа профессионального юриста, который способен найти все возможные тонкости в законодательстве, что обычному человеку не под силу.

Мифологизация различных срезов правовой реальности, таким образом, всегда имеет целью оправдание, легитимацию тех или иных процессов. Такая легитимация нацелена, в первую очередь, не на рациональное объяснение преимуществ юридического явления или института, а на установление ассоциативных связей, вовлечение мифологизируемого явления в общий контекст культуры того или иного народа. Подобные процессы, как представляется, всегда сопровождают правовую политику современного государства.

Выводы. Правовой миф представляет собой особый феномен, существующий на рациональном и чувственном уровнях правосознания, выражающий ценностные или антиценностные правовые установки и нацеленный на легитимацию правовых явлений, институтов и процессов. Правовые мифы выступают неизменными спутниками каждой развитой правовой системы, поскольку выступают пространством бессознательного обращения к фундаментальным правовым идеям.

Список использованной литературы:

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / Эдмунд Гуссерль ; пер. с нем. Д.В. Сякяева. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – С. 154–155.
2. Шамша І. Суперечливість буття як джерело філософського мислення : монографія / Ігор Шамша. – Одеса : Фенікс, 2010. – С. 126.
3. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности / Мераб Мамардашвили. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. – 288 с.
4. Максимов С.И. Правовая реальность : опыт философского осмысления : моногр. / С.И. Максимов. – Х. : Право, 2002. – 328 с.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Игорь ФЕДОРЧАК,

начальник отдела расследования преступлений
в сфере хозяйственной деятельности

Управления Министерства внутренних дел Украины в Кировоградской области

Summary

Considered legal literature and administrative law in the context of determining the directions of development of administrative responsibility for offenses in the sphere of land relations. An Introduction reasonable changes to the current legislation on the definition and characteristics of administrative violations in the field of land relations. Identified the following signs of administrative tort in the sphere of land relations: 1) the illegality; 2) guilt; 3) act (action or inaction); 4) to assault; 5) punishable; 6) public danger. These signs are the actual basis of administrative responsibility for administrative torts in the sphere of land relations, as the phenomena of reality. Saddling the conclusion that the administrative torts in the sphere of land relations in CoUaAP placed randomly do not have a systemic nature, which is not conducive proper level of resolution of land relations. So today priority is to systematize CoUaAP governing administrative responsibility in the sphere of land relations.

Key words: administrative offense, land relationship, the trait.

Аннотация

В статье рассматриваются юридическая литература и административное законодательство в контексте определения направлений их развития относительно административной ответственности за правонарушения в сфере земельных правоотношений. Предложено внесение обоснованных изменений в действующее законодательство относительно определения понятия и признаков административного правонарушения в сфере земельных правоотношений. Выделены следующие признаки административного деликта в сфере земельных правоотношений: 1) противоправность; 2) виновность; 3) деяние (действие или бездействие); 4) объект посягательства; 5) наказуемость; 6) общественная опасность. Указанные признаки являются фактическим основанием административной ответственности за совершение административных деликтов в сфере земельных правоотношений как явлений реальной действительности. Сделан вывод о том, что административные деликты в сфере земельных правоотношений в КУоАП размещены хаотично, не имеют системного характера, что не способствует должному уровню урегулирования земельных правоотношений. Поэтому сегодня первоочередной задачей является систематизация КУоАП, что регулирует административную ответственность в сфере земельных правоотношений.

Ключевые слова: административное правонарушение, земельные правоотношения, признаки.

Постановка проблемы. Исследование проблемных вопросов административной ответственности, в том числе административных деликтов в сфере земельных правоотношений, имеет важное как теоретическое, так и прикладное значение. Отечественные ученые посвятили значительное количество научных трудов анализу проблем административной ответственности за нарушение норм земельного законодательства, в частности это исследование ученых: О.В. Стукаленко об административной ответственности за нарушение норм земельного законодательства (материаль-

ный и процессуальный аспект) [1], Л.В. Милимко об административной ответственности за правонарушения в сфере земельных отношений [2], а также А.Ю. Дрозда об административной ответственности за самовольное занятие земельного участка [3]. Однако на сегодняшний день в научной и учебной литературе отсутствует полноценное исследование всех проблемных вопросов, связанных с привлечением к административной ответственности за деликты в сфере земельных правоотношений.

В свою очередь, отсутствие таких научных разработок в этой сфе-

5. Горобец К.В. Аксиосфера права: философский и юридический дискурс: моногр. / К.В. Горобец, – О.: Феникс, 2013. – 218 с.

6. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-тут философии РАН; предс. науч.-ред. совета: В.С. Степин. – М.: Мысль, 2010. – Т. II. – 634 с.

7. Апинян Т.А. Тоска по мифу или миф как событие современности / Т. А. Апинян // Философские науки. – 2004. – № 11. – С. 73–83.

8. Чефранов А.Б. Проблеми застоування теорії цінностей у правових дослідженнях / А.Б. Чефранов // Проблеми філософії права. – 2005. – Т. III. – № 1–2. – С. 327–337.

9. Рязанова С.В. Политическая мифология как актуальная проблема гуманитарных дисциплин / С.В. Рязанова // Общественные науки и современность. – 2011. – № 1. – С. 86–96.

10. Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля // Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые; пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шмагко. – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 75–128.

11. Сердюк О.В. Концептуалізація соціальності права в сучасних інтегративних парадигмах: П. Бурд'є, Ю. Габермас, Е. Гідденс / О.В. Сердюк // Проблеми філософії права. – 2006–2007. – Т. IV–V. – С. 107–112.

12. Понамаренко В.Е. Проблемы понимания и социально-психологического обоснования демократического государственного режима: в свете психологии масс и психологии народов: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук; спец.: 12.00.01 – Теория и история права и государства; История правовых учений / В.Е. Понамаренко. – Ставрополь, 2002. – 26 с.

13. Бачинин В.А. Философия права и преступления: учеб. для студ. юрид. вузов / В.А. Бачинин. – Х.: Фолио, 1999. – 607 с.